

ГЛАВА III

ВЗГЛЯДЫ П. И. КОВАЛЕВСКОГО И М. О. МЕНЬШИКОВА НА ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков являлись идеологами умеренно-правой партии Всероссийский национальный союз. По данной причине при анализе направленности общественно-политических взглядов обоих мыслителей необходимо, прежде всего, четко определить их отношение к уваровской триаде «православие – самодержавие – народность», разделяемой всеми без исключения идеологами правого политического спектра Российской империи в начале XX века, поскольку она, по их мнению, выражала символ русской государственности¹. Очевидно, что в позициях теоретиков национализма по вопросам отношения к уваровскому символу русской государственности существовали некоторые противоречия. Так, если П. И. Ковалевский в целом не подвергал сомнению правомерность и незыблемость бытийных основ русской государственности, таких как самодержавие, православие и единодержавие, считая данные элементы действительными ее символами, то Меньшиков мыслил гораздо более гибко, прямо связывая наличие тех или иных внешних форм существования нации с исторической конъюнктурой. Другими словами, трезво оценивая общественно-политическую обстановку, складывающуюся в Российской империи на протяжении XX века, публицист убеждался в том, что православие (в меньшей), самодержавие (в большей), единодержавие (в наибольшей) степени все более превращаются

¹ Подробнее см: *Иванов О. А.* Идеология «православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова [Электронный ресурс] // Консерватизм в мире: прошлое и настоящее: [сайт]. [2007]. URL : http://conservatism.narod.ru/sb_cons1/sb_cons1.html (дата обращения: 09.10.2007).

в отжившие национальные традиции, сохранение которых в качестве внешних форм существования нации, безусловно, желательно, но практически неосуществимо. Осознание данного факта проявилось в стремлении Меншикова найти новую формулу существования русской нации.

Понимание теоретиками ВНС смысла и содержания уваровского символа определило характер их отношения к политическим институтам русской государственности, особенности их общественно-политических воззрений.

В современной исторической науке прочно укрепилось мнение о том, что отличительным признаком политических взглядов как русских консерваторов XIX века, так и правых начала XX века являлось положительное и в целом не критичное отношение к самодержавию, которое воспринималось ими в качестве единственной оправданной русской национальной специфической формы правления. Подобное отношение к самодержавию русских правых дает основание некоторым исследователям ставить в синонимичный ряд такие понятия, как консерватор – правый – монархист².

Однако, как представляется, такой подход к проблеме является упрощенным и лишь отчасти правомерным. Это объясняется тем, что теоретики крайне правого направления в целом демонстрировали лояльное отношение к данному общественно-политическому институту, являясь убежденными монархистами, а идеологи умеренно-правых, националистов, в частности П. И. Ковалевский, а в особенности М. О. Меншиков, относились к русскому самодержавию весьма своеобразно и противоречиво.

Такая позиция теоретиков ВНС была напрямую связана с особенностями их мировоззрения, вследствие чего их отношение к общественно-политической реальности строилось сообразно принципам национального прагматизма и рационализма. Именно поэтому позиция теоретиков ВНС относительно института русского самодержавия постоянно менялась и эволюционировала, что хорошо заметно при анализе воззрений М. О. Меншикова.

² См. например: *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.) : дис. д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 890 с.

При этом стоит отметить и тот важный факт, что в вопросах отношения к институту самодержавия в позициях П. И. Ковалевского и М. О. Меншикова существовали определенные различия.

П. И. Ковалевский обращался к характеристике русского самодержавия во всех своих крупных работах. В отношении данного вопроса идеолог ВНС представлялся убежденным монархистом, считая самодержавие исконно русским национальным институтом, в связи с чем любые попытки его радикального реформирования или отмены представлялись ему неоправданными.

При этом незыблемость самодержавия Ковалевский обосновывал, во-первых, тезисом о том, что оно определялось характеристиками русской нации, представители которой были склонны к ссорам и разрозненности, не были в состоянии самостоятельно организовать свое государственное бытие, вследствие чего добровольно, понимая данный факт, передали властные функции варяжским князьям, сумевшим с течением времени стать некоей надсоциальной силой, сплотившей русскую нацию. Таким образом, именно княжеская власть, трансформировавшаяся впоследствии в самодержавную, то есть самодостаточную и независимую, вытекала «из органической неспособности славян к объединению самих в себе и самоуправлению»³, и поэтому именно самодержавие «является органичной национальной потребностью, без которой Россия существовать не может... Отнять в государственном строе России самодержавие – значит поставить ее в антинациональные условия бытия, противные его существу»⁴.

Во-вторых, анализируя русский исторический процесс, П. И. Ковалевский делал однозначный вывод о том, что объективные его особенности также способствовали утверждению в русском государстве самодержавной формы правления, поскольку именно она в союзе с институтом православной церкви не только смогла отстоять независимость и целостность русской государственности в кризисные эпохи феодальной раздроблен-

³ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт. С. 140.

⁴ Там же. С. 140, 143.

ности и смутного времени, создать прочные основы социального мира, построенного на принципах патернализма (особой сословной солидарности), но и, в конечном итоге, обеспечить прогрессивное развитие, эволюцию от простейшей формы государства, сформировавшейся в эпоху Киевской Руси, до имперского величия.

Кроме того, Ковалевский в принципе соглашался с аргументацией, воспроизводимой представителями как консерваторов XIX века, так и крайне правых начала XX века, для доказательства незыблемости и органической необходимости самодержавия для русского государства. В данном отношении теоретик ВНС поддерживал позицию крайне правого публициста М. М. Бородкина, который считал в качестве главных обстоятельств, определивших существование самодержавной формы правления в России, такие как специфические географические особенности, христианско-аполитичную сущность русской нации, существование особой связи между монархом и нацией, выраженной в метафизическом понятии «народность». Как представляется, Ковалевский полностью разделял и итоговый вывод публициста о том, что «наше самодержавие – есть душа царства, разум и воля целой нации, олицетворенные в одном человеке»⁵. Теоретик ВНС, размышляя в русле русской консервативной традиции, признавал наличие в самодержавии особой высоконравственной константы, всецело детерминированной его органической связью с православием, вследствие чего оно получало особую религиозную санкцию.

В итоге собственных рассуждений Ковалевский соотносил величие русской государственности и крепость самодержавной формы правления в плоскости прямопропорциональной зависимости, доказывая, что «в русском самодержавии зиждется целостность, крепость, мощь и величие России», причем «всякое нарушение самодержавия немедленно влечет за собой подрыв благосостояния нации и крепости государства»⁶.

⁵ *Бородкин М. М.* Необходимость самодержавия для России. Харьков: Тип. Харьковского отдела СРН, 1904. С. 25.

⁶ *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт. С. 140, 142.

Подобное отношение к самодержавию имеет место во всех важнейших теоретических работах мыслителя⁷.

Таким образом, обоснование значения самодержавной власти, прежде всего, в качестве органической потребности русской нации и гаранта величия и могущества русской государственности делало Ковалевского убежденным монархистом и защитником самодержавия, что, несомненно, сближало теоретика ВНС с крайне правыми начала XX века. Отметим, что подобное обоснование выдающейся роли самодержавной власти для развития русской нации и государства в общем и целом принималось и другими теоретиками русского национализма, также прямо заявлявших о своей приверженности данному общественно-политическому институту⁸. Кроме того, промонархическая ориентация ВНС неоднократно была выражена и в ходе официальных мероприятий, таких как, например, первое партийное собрание ВНС и учредительное собрание ВНК, которые открывались приветственными телеграммами в адрес Николая II⁹.

Отношение М. О. Меньшикова к институту русского самодержавия являлось весьма неоднозначным. Это проявилось, в первую очередь, в том, что публицист «Нового времени», в отличие от Ковалевского и большинства других теоретиков ВНС, прямо не связывал длительное существование института самодержавия с наличием некоей органической потребности в нем, обусловленной совокупностью национальных характеристик русской нации. Для Меньшикова сама по себе приверженность самодержавной форме правления прямо не вытекала из особенностей русского национального типа, а, скорее, наиболее точно соответствовала историческим условиям существования русской нации в силу отсутствия достаточного уровня гражданского сознания и русской аполитичности и невежественности¹⁰.

⁷ См.: Ковалевский П. И. История России с национальной точки зрения. С. 108; *Его же*. Основы русского национализма. С. 27–29; *Его же*. Символ веры наших потешных. С. 9.

⁸ Подробнее об этом см.: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 149–150.

⁹ См.: ВНС. Первое собрание представителей. 19–21 февраля 1912. СПб.: Тип. Г. Скачкова с сыновьями, 1912. С. 3; Известия ВНК. 1911. № 1. С. 10.

¹⁰ Меньшиков М. О. Великое дело // Новое время. 1907. 11 янв.

Тем не менее, Меньшиков воспринимал русское самодержавие в качестве драгоценнейшей традиции, признавал его заслуги в процессе становления и развития русской государственности. Для публициста ценность данного института определялась, в первую очередь, его способностью обеспечивать социальную солидарность, основанную на идеалах высшей нравственности и духовности¹¹.

Принципиальным отличием позиции Меньшикова и Ковалевского в сравнении со взглядами представителей крайне правого черносотенного направления по отношению к институту русского самодержавия являлось, во-первых, критичное отношение к нему, а во-вторых, иное содержание, которое вкладывали теоретики ВНС в данное понятие. Для Ковалевского и Меньшикова самодержавие фактически представлялось не формой единоличного правления, при которой все властные основные функции концентрируются у самодержца, но скорее особым политическим бытием, в котором источником властных полномочий является не самодержец, а совокупная нация, делегировавшая ему важнейшую часть управленческих функций.

Таким образом, нация в рамках самодержавного правления, по мнению идеологов ВНС, неминуемо была обязана принимать непосредственное участие в осуществлении государственной власти, имея права законодательной инициативы и активного общественного контроля, осуществляемого через Государственную думу.

Как видим, коренным расхождением во взглядах теоретиков ВНС и крайне правых по данным вопросам являлось то, что если последними самодержавие представлялось в качестве неограниченного «наднационального» правления, осуществляемого единственным субъектом власти, то Меньшиков и Ковалевский фактически воспринимали этот институт в виде формы реализации государственной власти, при которой главным субъектом является нация, а самодержец позиционируется лишь исполнителем ее воли.

Именно это обстоятельство позволяло теоретикам ВНС не только критиковать самодержавие «старого» петербургского образца, но и активно выступать за его реформирование, глав-

¹¹ Меньшиков М. О. Охрана мира // Новое время. 1910. 21 окт.

ной целью которого становилось создание нового политического института в его структуре – Государственной думы. Другими словами, Ковалевский и Меншиков фактически отрицали феномен ничем не ограниченного самодержавия, которое, по их мнению, все больше превращалось в деспотизм.

По указанным выше причинам теоретики ВНС с большим воодушевлением восприняли публикацию манифеста 17 октября 1905 г. Тем не менее, оценка данного общественно-политического акта с их стороны не являлась однозначной. М. О. Меншиков и П. И. Ковалевский высказали радикально противоположные замечания.

Так, с одной стороны, оба мыслителя усматривали в этом событии главный положительный итог русской революции. Для П. И. Ковалевского опубликование Манифеста 17 октября 1905 г., который реформировал главнейшие основы общественно-политического строя империи, ознаменовало собой новый этап в развитии русской государственности, создавший условия для утверждения сознательного национализма и гражданского общества¹². В этом отношении публицист подчеркивал огромную позитивную роль Николая II и П. А. Столыпина.

Теоретик ВНС выражал надежды, что благодаря данному политическому акту России будут обеспечены условия, при которых она сможет в короткие сроки достигнуть уровня развития западной цивилизации, а возможно, и превзойти его.

М. О. Меншиков также подчеркивал непреходящую ценность установлений Манифеста, позволяющих России вернуться на основы органического развития по типу Западной Европы, уничтожив прежний бюрократическо-деспотический режим, создать предпосылки для коренного реформирования различных сфер общественной жизни¹³.

Смысл установлений Манифеста, по мысли Меншикова, сводился к созданию нового общественно-политического строя, при котором происходило рациональное разделение властных полномочий между самодержцем, остающимся при этом главным звеном в политической системе империи, кабинетом Ми-

¹² См.: Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 28.

¹³ См.: Меншиков М. О. Что потеряно. Кременчуг : Тип. И. Диковского, 1906. С. 3.

нистров и народным представительством¹⁴. Таким образом, реформирование института самодержавия было осуществлено.

Кроме того, по мысли публициста, были созданы основы для укрепления нового порядка благодаря последовавшей за публикацией Манифеста столыпинской реформе, содействующей перестройке отжившей общины, созданию культурных форм трудовой деятельности, связавшей народ с территорией на основе института частной земельной собственности. В этой связи дальнейшее поступательное развитие России публицист связывал с последовательной и решительной деятельностью правящих кругов в заданном направлении.

Заявление теоретиков ВНС о том, что манифест 17 октября 1905 г. стал рубежом в политическом развитии Российской империи, создал новую структуру власти, иначе ознаменовал начало нового периода в развитии государства, неминуемо ставило на повестку дня проблему сущности нового общественно-политического режима.

Идеологи ВНС в данном вопросе демонстрировали полное единство, признавая, с одной стороны, существенные изменения, произошедшие во властной структуре Российской империи, а с другой – указывали на тот факт, что новая система являлась обновленным самодержавием.

М.О. Меньшиков в этой связи отмечал, что законодательные акты 1905 г. создали новую структуру властной вертикали, на вершине которой по-прежнему находился русский царь-самодержец, однако его властные полномочия являлись ограниченными, поскольку они были разделены с парламентом, олицетворяющим волю единой нации. При этом важнейшие функции народного представительства, связанные с выдвижением законодательной инициативы и общественным контролем над деятельностью правительства, свидетельствовали, по мысли М. О. Меньшикова, о том, что Манифест 17 октября 1905 г. фактически создал предпосылки для эволюции системы русского самодержавия по пути к конституционной монархии, оформленной по европейскому образцу.

Таким образом, новая политическая структура, в рамках которой монарх получал приоритетное значение, иначе верхов-

¹⁴ Меньшиков М. О. Образ правления // Новое время. 1906. 1 янв.

ную власть, являлась своего рода переходной, существующей до времени, пока уровень гражданского самосознания русской нации не позволит именно парламенту стать главным звеном во власти¹⁵.

Такого рода организованный политический режим должен был, по мысли теоретиков ВНС, одновременно с ростом гражданского самосознания представителей русской нации последовательно эволюционировать по пути к конституционной ограниченной монархии в соответствии с лучшими европейскими образцами.

Однако анализируя дальнейший ход общественно-политического развития Российской империи, Меншиков все более убеждался в порочности и нежизнеспособности новой «дуалистической» системы монархии, что в итоге заставило публициста «Нового времени» усомниться в незыблемости самого принципа русского самодержавия.

Именно с этим были связаны отрицательные оценки установлений Манифеста 17 октября 1905 г., который воспринимался теоретиками ВНС как формальный политический акт, несколько не изменивший сущности прежнего неограниченного самодержавия.

В этой связи П. И. Ковалевский и М. О. Меншиков подчеркивали и то, что Манифест 1905 г. не стал каким-либо значимым рубежом в политическом развитии государства.

Во-первых, «новый» режим унаследовал все бюрократические пороки старого¹⁶, а во-вторых, принципиально не изменил правовых основ властной вертикали, так как не создал необходимой правовой и юридической базы для этого по типу западной цивилизации¹⁷.

По мысли М. О. Меншикова, Манифест 1905 г. не мог стать значимым политическим актом, поскольку являл собой, прежде всего, некую уступку со стороны правительства революционному движению, воспринимаемую в качестве акта самообороны и поэтому не имевшую политического значения.

¹⁵ Меншиков М. О. Подъем власти // Письма к русской нации. С. 40–41.

¹⁶ Ковалевский П. И. Психология русской нации. М., 2005. С. 50; Меншиков М. О. Стража общества // Новое время. 1905. 12 ноября.

¹⁷ Меншиков М. О. Третья оппозиция // Новое время. 1913. 12 нояб.

Публицист «Нового времени» обращал внимание на пресловутое неумение русского правительства осуществлять последовательный реформистский процесс, что выразилось, во-первых, в том, что установления манифеста, даровавшие политические свободы, легли на неподготовленную почву, вызвав совершенно обратный эффект, а во-вторых, в том, что в лице созданной Государственной думы Россия получила не сообразный своим политическим традициям институт народного представительства, а заимствованный европейский, что в конечном итоге отрицательно сказалось на его работе, усугубив и без того значительный раскол между властью и обществом¹⁸.

В итоге теории русского национализма, оценивая перспективы развития страны после 1905 г., соглашались с мнением о том, что «социальный состав нашей страны пока неблагоприятен для укрепления нового строя и реальные силы у нас еще недостаточно выращены...»¹⁹, в связи с чем Государственная дума не могла приобрести какого-либо весомого значения в общественно-политических реалиях империи и находилась в подчиненном положении.

Таким образом, сущность политического режима не изменилась, а перемены произошли лишь во внешних атрибутах его выражения. В оценке установлений Манифеста 17 октября 1905 г., как ничего не значащей по сути декларации благих намерений, теории ВНС соглашались как с представителями крайне правых, так и кадетов, в частности, с эволюционировавшей позицией П. Н. Милюкова²⁰.

Подобным образом характеризовали русские националисты и центральную фигуру, осуществляющую политику нового режима, – П. А. Столыпина. Так, М. О. Меньшиков, первоначаль-

¹⁸ См.: Меньшиков М. О. В предрассветных сумерках / Письма к русской нации. С. 528.

¹⁹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Том VI. М. : изд-во им. Сытина, 1913. С. 309.

²⁰ О подобного рода позиции см., например: Дьяк. Ограничена ли власть монарха по законам Российской империи. СПб. : Тип. Мильштейна, 1907. 16 с.; Кирьянов Ю. И. Правые партии России 1911–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 464 с.; Российские либералы: кадеты и октябристы / под ред. В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 1996. С. 93–97; Черняев Н. И. Необходимость самодержавия для России. Природа и значение монархических начал. Харьков : изд-во харьковского отдела СРН, 1901. 373 с.

чально проводящий откровенную апологетику личности премьер-министра, видевший в нем настоящий государственный талант, правильно выразивший русскую национальную идею, идеал премьер-министра, в дальнейшем также подверг его критике за недостаточную последовательность в проведении реформирования²¹.

Смерть П. А. Столыпина и прогрессирующий кризис правительства, последовавший после этого события, в значительной степени повлияли на эволюцию позиции теоретиков ВНС в отношении института русского самодержавия. Для М. О. Меньшикова в этой связи все более очевидным становился тот факт, что с провалом столыпинской концепции реформ самодержавие превращалось в отживший анахронизм, в значительной степени препятствующий поступательному развитию общества. Теоретик ВНС в этот период времени выступал не только с обстоятельной критикой правительственной линии, но и фактически подразумевал ликвидацию недействительной «дуалистической» политической системы, исключение института монархии из нее.

Итогом такого рода мировоззренческой эволюции стал цикл статей публициста, написанный им после февральских событий 1917 г. В них Меньшиков, утверждая мысль о том, что февральская революция 1917 г. и отречение Николая II являлись объективными событиями, подготовленными всем ходом исторического развития Российской империи²², выступал с прямой поддержкой Временного правительства, в котором видел несравненно более действенный двигатель поступательного развития Российского государства, нежели отживший самодержавный институт, который теоретик ВНС прямо называл идолом²³.

Как видим, публицист полностью отрицая самодержавие как действенную политическую силу, фактически открыто (хотя прямо не апеллировал данными терминами) пропагандировал республиканскую форму правления при ведущей роли правительства, сформированного лучшими представителями

²¹ См.: Меньшиков М. О.: Нужен сильный / Письма к русской нации. С. 277; *Его же*. Крупные люди // Национальная империя. С. 331 и др.

²² Меньшиков М. О. Три опасности // Новое время. 1917. 9 марта.

²³ Меньшиков М. О. Речи к народу // Новое время. 1917. 14 марта.

нации посредством законодательного органа власти – Государственной думы.

В других статьях этого периода содержались более радикальные суждения относительно русского самодержавия. Так, анализируя деятельность русских монархов в исторической ретроспективе, М. О. Меньшиков особое внимание концентрировал на существующих пороках самодержавия, среди которых он в первую очередь называл страх, бессилие и властное бездействие, рисуя весьма непривлекательный образ²⁴. Кроме того, публицист заявлял и о том, что русское самодержавие, показав свою нежизнеспособность, открыто изменило русской нации, приведя страну к катастрофе²⁵. При этом все попытки как-то оздоровить традиционный русский общественно-политический институт с помощью реформ не увенчались успехом, что в итоге, по мысли Меньшикова, обеспечивало необходимость его отмены. Знаменателен при этом следующий эмоциональный пассаж публициста: «Нельзя называть изменой, если мы старое, обветшалое до рубища платье заменяем новым или из угрожающей повалиться и раздавить нас хоромины выходим, чтобы построить новое безопасное здание»²⁶.

Делая такого рода заявления, Меньшиков затем прямо высказывался за укрепление представительного порядка, также имеющего свои устойчивые традиции на русской почве, на примере развития Новгорода и Пскова.

Как представляется, итоговое отношение ведущего теоретика ВНС к институту русского самодержавия ярко иллюстрирует следующее его высказывание – «Монархия обманула все наши надежды. Она оказалась просто неспособной к жизни как труп. Сколько не гальванируйте его, ничего не выйдет. Я думаю, единственное приличное – это похоронить труп. Откапывать из под креста было бы по-моему роковой ошибкой»²⁷.

Заканчивая рассмотрение взглядов Меньшикова и Ковалевского относительно института самодержавия, следует сказать следующее. Прежде всего, стоит признать правомерным

²⁴ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1917. 19 марта.

²⁵ См.: Меньшиков М. О. Кто кому изменил // Новое время. 1917. 18 марта.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

тот факт, что первоначально теоретики ВНС являлись монархистами. В этой связи Ковалевский, Меньшиков неоднократно демонстрировали свою лояльность данному институту, а изменение отношения к нему с их стороны произошло лишь под влиянием обстоятельств.

Однако содержание, которое вкладывали националисты в понятие самодержавие, существенно отличалось от понимания данного института идеологами крайне правых, которые интерпретировали самодержавие на основе религиозно-нравственных норм, вследствие чего оно приобретало в их концепции сакральный ореол. В данном отношении наиболее четко сформулировал позицию националистов относительно данного института теоретик современного русского национализма Е. Холмогоров. По его мнению, с которым, как представляется, были бы солидарны и Меньшиков и Ковалевский, самодержавие означало прежде всего принцип национальной суверенной власти, смысл которого заключался в признании таких составляющих, как суверенитет, саморожденность, неограниченность и действенность в качестве неотъемлемых черт государственной власти. При этом данный принцип мог бы быть осуществлен в многообразных политических формах и являл собой способ политического существования²⁸.

Стоит согласиться с Д. А. Коцюбинским, который утверждает, что решение проблемы русского самодержавия националисты искали на путях национально-государственного прагматизма, а не иррациональной приверженности тому или иному государственно-правовому кредо. Данное обстоятельство проявлялось, во-первых, в том, что самодержавие объявлялось государственно-правовой производной от национальных интересов русского народа, а во-вторых, в том, что вопрос об ограниченности или неограниченности российского самодержавия решался в зависимости от конкретной внутривнутриполитической конъюнктуры²⁹.

Кроме того, главный критерий оценки данного института – национальный прагматизм – находил свое непосредствен-

²⁸ См.: Холмогоров Е. Самодержавие [Электронный ресурс] // Правая ру. : [сайт]. [2007]. URL : <http://pravaya.ru/leftright/472/5091> (дата обращения: 09.10.2007).

²⁹ См.: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 166–167.

ное выражение в том, что приверженность и лояльность самодержавной форме правления у теоретиков ВНС находились в прямо пропорциональной зависимости от способности русского самодержавия выступать реальной и действенной политической силой. Другими словами, монархизм теоретиков ВНС мог проявляться лишь до того момента, пока русское самодержавие прямо соответствовало принципам национализма и выступало гарантом законности, антитезой произвола, а в конечном итоге обеспечивало поступательное развитие русской национальной общности в рамках Российской империи.

Отметим, что, выражая свое отношение к институту самодержавной монархии, Меньшиков и Ковалевский в целом разделяли концепцию Б. Степанца, который, называя монархическую форму правления начальным этапом эволюционирования государственных форм, с одной стороны, признавал ее огромное значение в процессе выработки основ национального сознания. Однако, с другой стороны, мыслитель доказывал, что самодержавие обречено на слом, поскольку перестает на определенном этапе эволюции национального сознания удовлетворять устремлениям и интересам конкретной нации. Таким образом, по убеждению Степанца, эволюция самодержавной монархии по пути формирования конституционного образа правления являлась неизбежной³⁰.

Подобные подходы к содержанию понятия «самодержавие» и объясняли мировоззренческую эволюцию в его отношении, которую проделали многие теоретики ВНС, в первую очередь, Меньшиков – от безусловного признания данного института до его полного отвержения.

При этом, как представляется, националисты интуитивно понимали нежизнеспособность русского самодержавия в начале XX века, ознаменовавшегося бурными событиями, в связи с чем воспринимали его преимущественно в качестве гаранта закрепления нового представительного строя в специфических русских условиях, при котором источником власти являлся бы уже не единоличный правитель – миропомазанник, а вся нация в целом.

³⁰ См.: *Степанец Б.* Национализм как социологическая идея. Вильно : тип. Сыркина, 1911. С. 10–14.

Очевидно, что теоретики ВНС так и не смогли преодолеть мировоззренческую приверженность идеалам русского самодержавия, поскольку понимали его в качестве устойчивой и чрезвычайно ценной традиции, а также не хотели рвать связи с политическими союзниками справа, которые весьма болезненно воспринимали малейшее покушение на незыблемость существования данного общественно-политического института. Это проявилось прежде всего в официальной партийной риторике, где принцип монархизма не ставился под сомнение вплоть до организационного краха ВНС.

Отношение всех без исключения теоретиков ВНС к законодательной Думе являлось положительным, а ее создание объявлялось главным среди позитивных итогов событий 1905–1907 гг. Необходимость «для блага России» народного представительства – законодательной Государственной думы признавалась, как указывает Д. А. Коцюбинский, уже самыми ранними программными документами русских националистов и утверждалась отдельными высказываниями лидеров ВНС³¹.

Принципиально важным являлось стремление Меньшикова обосновать необходимость функционирования Государственной думы ссылками на историю как Российской империи, так и стран Западной Европы. В данной связи институт народного представительства объявлялся, с одной стороны, исконно русским, национальным, а с другой – чрезвычайно важным западным заимствованием, обеспечивающим ведущим странам Европы прогрессивное развитие.

Так, по мысли публициста, намеки на существование такого рода института имели место в древней русской истории, анализируя которую, непосредственными предшественниками современной Думы Меньшиков называл общественные учреждения Новгорода, Пскова, Московской Руси, а также Земские соборы XVII века³².

Таким образом, публицист фактически признавал исконно русские корни представительно-монархического образа правления. Заметим в этой связи, что Меньшиков выступал лишь

³¹ См.: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 172.

³² См.: Там же. С. 175.

за использование позитивного опыта существования древних русских представительных учреждений, но никак не за воссоздание их в Российской империи. Именно поэтому теоретик ВНС утверждал, что имеющие место исторические «наметки» на существование представительных органов власти должны быть организованы по принципам парламентов Пруссии и Японии, которые в наибольшей степени, по убеждению мыслителя, соответствовали русским национальным традициям³³. Таким образом, Меньшиков при формировании русского народного представительства предлагал ориентироваться на лучшие, по его мнению, мировые аналоги.

Позиция теоретиков ВНС по этому вопросу претерпела некоторую эволюцию в сторону все большей идеализации данного института. Так, если первоначально Меньшиков и Ковалевский воспринимали законодательную Думу наряду с правительством и самодержавием в качестве одного из главных органов государственной власти, подчеркивая при этом ее подчиненное положение по отношению к самодержцу, то в период первой мировой войны и связанного с ней кризиса общественно-политической системы русского самодержавия Меньшиков прямо называл Государственную думу главным истинно национальным институтом, отдавая ей, безусловно, приоритетное положение в структуре властной вертикали.

В своих работах теоретики ВНС обращались к анализу сущности Думы, ее функций и принципов ее комплектования.

Так, по мнению М. О. Меньшикова, важная роль народного представительства, наделенного законодательными правами, в системе государственной власти Российской империи определялась следующими обстоятельствами.

Во-первых, посредством Государственной думы закладывались прочные условия для формирования истинной гражданственности, иначе говоря, русская национальная общность получала необходимые условия для своего окончательного оформления.

Во-вторых, благодаря факту существования народного представительства Российская империя, по мысли Меньшико-

³³ См.: Там же. С. 173.

ва, возвращалась на свой естественный исторический путь развития, получая возможности для эволюционирования по типу ведущих европейских государств³⁴. Таким образом, изменение структуры государственной власти путем создания законодательной Думы знаменовало собой высший этап исторической эволюции русской государственности, поскольку с этого времени именно нация становилась важнейшим властным субъектом. С этой точки зрения мыслитель настаивал на реализации гражданской активности представителей русской нации, называя право выбора в Думу священным долгом гражданина, отказ от которого прямо приравнивался им к государственному преступлению³⁵.

В-третьих, именно Государственная дума, утверждая русский парламентаризм, создавала необходимые условия для четкой организации русского общества, благодаря чему также обеспечивалась прогрессивность государственной политики³⁶.

Другими словами, М. О. Меншиков, как и другие теоретики русского национализма, называл законодательную Государственную думу важнейшим элементом политической жизни государства, все более с течением времени склоняясь к прямой апологетике данного института³⁷.

Признание важности законодательной Государственной Думы сближало теоретиков ВНС с позицией русских либералов, кадетов и октябристов. Однако в вопросах понимания практического назначения представительного органа мнение националистов отличалось существенным своеобразием.

Прежде всего, в отличие от либеральной общественной мысли теоретики ВНС видели в русской Государственной думе отнюдь не аналог европейских парламентов, которые практически выражали принцип разделения властей и являлись носителями законодательной ее ветви. Для Меншикова Государственная дума представлялась особым сосредоточением наци-

³⁴ См.: *Меншиков М. О.* Что мы выиграли // Новое время. 1905. 5 июня.

³⁵ См.: *Меншиков М. О.* Кого выбирать в парламент. С. 330–349.

³⁶ *Меншиков М. О.* Великорусская партия. С. 180.

³⁷ См. например: *Меншиков М. О.* Гнилой век // Новое время. 1908. 6 янв.; *Его же.* Побольше единодушия // Новое время. 1912. 1 дек.

ональной воли, и в этом качестве она была обязана являться конструктивным помощником самодержца и правительства при реализации четко выработанной политической линии.

Другими словами, Дума не могла быть ни в малейшей степени оппозиционной правительству, а, наоборот, должна была демонстрировать лояльность по отношению к нему.

Характерными в этой связи являлись высказывания Меншикова, иллюстрирующие его позицию на протяжении длительного периода времени, о том, что русский парламент должен был стать образцом «сверхполитики», полностью исключив внутрипартийную борьбу внутри себя, направив свою деятельность в единое русло для осуществления истинно национальной программы действий. Иначе говоря, по мысли теоретика ВНС, в составе Думы должна была утвердиться монополия лишь одной национальной партии³⁸.

Подобную позицию относительно необходимой практической роли Государственной думы разделяли и другие теоретики ВНС, в частности, и его лидер – П. Н. Балашев³⁹.

Таким образом, резюмируя отношение Меншикова к институту Государственной думы, отметим, что его позиция отличалась значительным своеобразием и включала, с одной стороны, апологетику данного общественно-политического института в качестве реализатора совокупной гражданской воли нации, а с другой – критику самого парламентского принципа партийных дискуссий, зачастую ставящего орган народного представительства в оппозицию к правительству.

Определяя подобным образом сущность института народного представительства, М. О. Меншиков много внимания уделял и проблемам определения его компетенции и места во властной вертикали. При этом теоретик ВНС подчеркивал, что именно Государственная дума должна была обеспечивать необ-

³⁸ См.: *Меншиков М. О.* Великорусская партия. С. 180–181; *Его же.* Перестройка партии // Новое время. 1909. 26 марта; *Его же.* Что потеряно. С. 5–9; *Его же.* Ответ на выстрел // Новое время. 1911. 22 окт.; *Его же.* Националисты 4-й Думы // Новое время. 1912. 30 октяб. и др.

³⁹ См.: *Балашев П. Н.* О политике России в последние века и предстоящих ей задачах. СПб. : Изд-во. С-П. отд. нац. Союза, 1913. 91 с; См. также: *Чихачев Д. Н.* Политическая программа П. А. Столыпина. СПб. : Изд-во ВНС, 1914. С. 21.

ходимый баланс в системе реализации государственной власти, выступать в роли своеобразной «смычки» между самодержцем, правительством и гражданами империи.

В этой связи компетенция Думы, по мысли Меншикова, была чрезвычайно широка. Важнейшая функция народного представительства заключалась прежде всего в организации контроля над деятельностью правительства с целью приведения его политики к «национальному» стандарту. Другими словами, именно в институте народного представительства Меншиков видел тот единственный инструмент, с помощью которого возможно было обеспечивать охрану русского государства от «инороднического» засилья, проводить истинно национальную политику, последовательно отстаивать русские национальные интересы⁴⁰.

Продолжая данную мысль, Меншиков в другой своей работе конкретизировал функции русского парламента, фактически заявляя уже в 1907 г. о необходимости предоставления именно данному институту права последней инстанции при формировании состава правительства⁴¹. С течением времени позиция публициста в данном вопросе еще более ужесточилась. Так, в 1913 г., говоря о месте Государственной думы в структуре государственной власти, публицист прямо заявлял о необходимости организации постоянного парламентского контроля над деятельностью правительства, тем самым требуя ответственного министерства⁴².

Кроме того, Меншиков определял Государственную думу в качестве важнейшего, самостоятельного органа государственной власти, «координирующего все отправления государства и возвращающего его в равновесие»⁴³.

В данных вопросах теоретик ВНС высказывал наиболее радикальное мнение среди партийных публицистов, а его позиция фактически была принята на вооружение лидерами Прогрессивного блока, куда вошли, как известно, левые националисты.

⁴⁰ См., например : *Меншиков М. О.* Пятно невежества // Новое время. 1906. 23 марта; *Его же.* Люди понимания // Новое время. 1910. 20 окт.

⁴¹ См.: *Меншиков М. О.* Национальное правительство // Новое время. 1907. 25 окт.

⁴² См.: *Меншиков М. О.* Тело без души // Новое время. 1913. 10 дек.

⁴³ Там же.

Другой первостепенной функцией народного представительства, по мысли публициста, являлась организация активного общественного мнения, способного прямо и непосредственно влиять на характер и направленность законодательных актов, утверждаемых в империи. Именно поэтому, по мысли теоретика, «представители народные должны помнить, что они не имеют права не говорить в Думе, если чувствуют, что у них есть, что сказать, ибо они на то и посланы народом, чтобы свидетельствовать от имени народа»⁴⁴.

Как видим, по мнению Меншикова и других теоретиков ВНС, именно Думе как выразительнице воли народа должна была принадлежать законодательная инициатива.

Итак, именно законотворческая и контрольная функции Государственной думы определяли, по мысли теоретика ВНС, важнейшее значение института народного представительства в структуре государственной власти империи.

Другой значимой проблемой в контексте отношения теоретиков ВНС к институту народного представительства становился вопрос о принципах его формирования. М. О. Меншиков придавал данному аспекту огромное значение, однако высказывался в этой связи достаточно противоречиво, а его позиция по этому вопросу в значительной степени эволюционировала.

С одной стороны, теоретик ВНС жестко критиковал существующее после 17 октября 1905 г. выборное законодательство, поскольку «благодаря» ему Россия получила не истинное народное представительство, а орган политического грабежа и разбоя в лице первой и второй Государственных дум. Основным недостатком выборного законодательства публицист называл систему многоступенных выборов, институт выборщиков, которых мыслитель прямо называл компанией ловких политиканов. В данной связи Меншиков высказывался за радикальную реформу выборного законодательства, сущность которой заключалась прежде всего в обеспечении возможности независимого выбора «по совести и разуму» всем правоспособным гражданам при свободной пропаганде программ легальных партий. Институт выборщиков при этом должен был быть отменен, поскольку, как замечал Меншиков, «если даже

⁴⁴ См.: Меншиков М. О. Тело без души // Новое время. 1913. 10 декаб.

школьник не может поручать за себя держать экзамен, то каким образом гражданин может передать обязанность и право государственных выборов»⁴⁵.

Другими словами, публицист фактически пропагандировал весьма либеральную модель проведения выборов, принятую в ведущих западных странах, основными чертами которой являлось, во-первых, всеобщее избирательное право, а во-вторых, наличие гарантий законности их проведения.

С другой стороны, Меньшиков предлагал применять к кандидатам в депутаты Государственной думы чрезвычайно жесткую систему различного рода цензов с целью избрания ее «истинно национального» состава. В данной связи публицист предполагал использовать следующие критерии при выборе депутатов Думы.

Во-первых, личностный или, условно говоря, мировоззренческий ценз. В этой связи, по мнению Меньшикова, в Думу должны были быть избираемы «самобытные, чисто народные, несочиненные» типы, обладающие талантом и «доказанной совестливостью»⁴⁶, исповедующие государственное мышление, то есть ставящие интересы государства – нации выше других узколичностных, имеющие чувство царственности и «великодержавной» собственности, практический ум, необходимый для того, чтобы ясно и четко определять стоящие перед страной первостепенные задачи и уверенно следовать к намеченной цели⁴⁷. Не менее значимыми атрибутами членов Государственной думы, по мысли теоретика, являлись честь, талант и нравственность, отсутствие крайностей в убеждениях⁴⁸.

Отметим, что необходимость подобных критериев, предъявляемых к депутатам парламента, признавалась и в официальной партийной печати. Так, функционер ВНС А. Филиппов в программной статье, руководствуясь идеями Меньшикова,

⁴⁵ Меньшиков М. О. Выборный подлог. Екатеринослав : Тип. братства св. Владимира, 1906. С. 7.

⁴⁶ Меньшиков М. О. Мироеды и ходоки // Новое время. 1905. 19 июля.

⁴⁷ Меньшиков М. О. Россия – прежде всего. С. 195–199.

⁴⁸ См.: Меньшиков М. О. Кого выбирать в парламент. С. 330–349.; *Его же*. Нравственный ценз. Выше свободы [Электронный ресурс] // Русский дом : [сайт]. [2007]. URL : <http://russdom.ru/mom/indexm.html#m> (дата обращения: 09.10.2007); См. также: Шлемин П. И. Авторитаризм и либерализм в России (Русская идея М. О. Меньшикова) // Политическая наука в России (История, современность, модели будущего). М., 1994. С. 86–91.

определил необходимые для народных избранников качества – личный аристократизм, благородство, националистическое и государственное мышление⁴⁹. Потребность в таких людях, по утверждению Меньшикова, была так высока, что он отмечал: «Смертельная необходимость в лучших людях так велика, что их следует искать не только в своей стране, но и за границей»⁵⁰.

Кроме того, публицист являлся сторонником и других цензов при избрании в Думу, таких как возрастной, имущественный, национальный, ценз политической лояльности, образовательный и др.⁵¹

При этом следует отметить, что взгляды публициста на систему требований для кандидатов в депутаты Государственной думы со временем еще более ужесточились, что нашло свое прямое отражение в том факте, что Меньшиков подвергал критике и новый избирательный закон 3 июня 1907 г., считая недостаточно эффективной новую систему цензовых требований⁵².

Таким образом, приверженность теоретика ВНС жесткой цензовой системе при комплектовании Государственной думы фактически сводила на нет его рассуждения по поводу необходимости проведения свободных, независимых и демократических выборов, придавая им ярко выраженный популистический характер.

Отметим, что подобные заявления Меньшикова относительно введения необходимых жестких цензов при избрании состава Государственной думы напрямую связывали его позицию со взглядами крайне правых публицистов.

Завершая анализ воззрений теоретиков ВНС относительно института Государственной думы, следует сказать следующее.

⁴⁹ См.: Филиппов А. Кого выбирать // Вестник ВНС. 1912. № 10.

⁵⁰ Меньшиков М. О. Мироеды и ходоки // Новое время. 1905. 19 июля.

⁵¹ См.: Меньшиков М. О. Отбор худших // Новое время. 1906. 12 марта; *Его же*. Великие дела // Новое время. 1907. 11 янв.; *Его же*. Люди понимания // Новое время. 1907. 21 окт.; *Его же*. Господская Дума // Новое время. 1907. 5 июля; *Его же*. Кого выбирать в парламент. С. 330–349; *Его же*. Утомление власти // Новое время. 1910. 11 сент.; *Его же*. Ценз национальности // Новое время. 1910. 17 июля.

⁵² См. Меньшиков М. О. Ценз и народ // Новое время. 1907. 27 марта; *Его же*. Пересмотр машины // Новое время. 1908. 3 июля.

Отметим тот факт, что все без исключения идеологи ВНС воспринимали реформу по созданию органа народного представительства исключительно положительно. При этом, по убеждению националистов, с одной стороны, данная реформа способствовала возвращению Российской империи на естественный исторический путь прогрессивного развития по типу ведущих стран Западной Европы, однако, с другой стороны, они отказывались считать создание Думы каким-либо нововведением, усматривая непосредственные предпосылки к ее формированию в историческом развитии Российской империи.

Заметим также, что теоретики ВНС по-особому понимали сущность народного представительства, с одной стороны, отказывались воспринимать данный институт в качестве законосовещательного органа, не имеющего реальных властных полномочий, а с другой – первоначально не проводили прямых аналогий с западными парламентами, которые олицетворяли независимую ветвь законодательной власти.

По мнению Меншикова, русская Государственная дума выступала частью единой властной структуры во главе с самодержцем и поэтому обязана была действовать в русле единой политической линии, не составляя оппозицию. В этом смысле русский парламент представлялся ему органом «национального» единодушия, приобретая при этом некий романтический ореол. Дума должна была стать выразителем некой «однородной стихии», в ее рамках «к правительству должны были приглашаться только люди государственного единодушия: одной государственной партии, а не всех бесчисленных, какие могут сложиться»⁵³.

Однако в дальнейшем Меншиков под воздействием реалий общественно-политической жизни постепенно отказывался от подобного «метафизического» понимания сущности Государственной думы, что выразилось, во-первых, в стремлении образовать в ее составе разнообразные варианты политических коалиций, а во-вторых, в изменении понимания роли и места данного института во властной структуре.

Выступая с течением времени за наделение Думы самостоятельными законотворческими и контрольными функциями,

⁵³ Цит. по: Кризис самодержавия в России в 1895–1917 гг. С. 489.

теоретик ВНС фактически ратовал за создание системы парламентской монархии.

Тем самым публицист в значительной степени преопределил взгляды левых националистов и лидеров Прогрессивного блока.

Отметим также, что, хотя П. И. Ковалевский специально не высказывался по проблемам отношения к институту Государственной думы, общий тон его заявлений все же позволяет предположить, что в основных вопросах касательно данной тематики он был солидарен с мнением Меньшикова за исключением, пожалуй, конечного вывода последнего относительно необходимости увеличения влияния Государственной думы и фактического создания политической системы парламентской монархии.

Отношение теоретиков русского национализма к институту правительства, как совершенно верно указывает Д. А. Коцюбинский, определялось их исходной теоретической установкой о том, что процесс модернизации Российской империи возможно было осуществить с помощью «власть предрежащих»⁵⁴.

Институт правительства изначально понимался теоретиками ВНС в качестве третьего важнейшего звена механизма государственной власти.

Так, если народное представительство, отождествлявшее собой народную волю, должно было под бдительным контролем самодержца задавать направление проведения истинно национальной политики, то совет министров обязан был последовательно реализовывать все нововведения на практике.

Учитывая сложную общественно-политическую обстановку, существующую в Российской империи в межреволюционный период, данная функция являлась вдвойне важной, ответственной и наиболее трудной. М. О. Меньшиков в 1907 г. в период, связанный с роспуском второй Государственной думы и третьиюньским законом, подчеркивал: «Парламент русский оказался “дважды плох”, как признано теперь всем светом. Когда он наладится Бог весть, но, по-видимому, не скоро. Пока приходится судьбу России ведать по-прежнему штурманом ее власти и ближайшему органу – правительству»⁵⁵.

⁵⁴ Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 428.

⁵⁵ Меньшиков М. О. Кому поднимать Россию // Новое время. 1907. 9 июня.

Исходя из подобного понимания исторической роли русского правительства, М. О. Меньшиков предъявлял к его составу и принципам деятельности чрезвычайно высокие требования. Следуя принципу «кадры решают все», теоретик ВНС, в первую очередь, подчеркивал то, что члены правительства должны обладать некой харизмой, основанной на сплаве таланта, стойкости и хладнокровия, иметь героический ореол непримиримых борцов за правое истинно национальное дело⁵⁶.

Кроме того, первостепенное значение должны были иметь как морально-этические, так и профессиональные качества членов правительства⁵⁷.

В отношении других критериев, предъявляемых к правительству, Меньшиков был в значительной степени солидарен с другими теоретиками ВНС и перечислял следующие: компетентность, идейно-организационная консолидированность, полновластие⁵⁸, политическая воля, сила, твердость, независимость от общественного мнения, что позволяло бы проводить последовательную, инициативную политику в независимости от неблагоприятных общественно-политических реалий⁵⁹.

Подобные чрезвычайно жесткие требования обусловили ту идейную эволюцию, которую проделало большинство из теоретиков ВНС в вопросах отношения к институту правительства. В этом плане М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский не являлись исключением. Данная проблема весьма подробно рассмотрена в работах Д. А. Коцюбинского, С. М. Саньковой и М. Н. Лукьянова⁶⁰, поэтому ограничимся лишь указанием на ее важнейшие аспекты.

⁵⁶ См. например: Меньшиков М.О. Крупные люди. С. 330–440; *Его же*. Наступательная борьба // Национальная империя. С. 403–404; цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 430.

⁵⁷ Об этом см. например: Меньшиков М. О. Важный опыт // Письма к ближним 1916. Пг.: Изд-во М. О. Меньшикова, 1917. С. 537–542.

⁵⁸ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 428–429.

⁵⁹ Меньшиков М. О. Власть как право // Письма к русской нации. С. 34–40.

⁶⁰ См.: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 430–491.; Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь : Изд-во ПГУ, 2001. С. 37–46; Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность ВНС. Орел : издатель Светлана Зенина, 2003. С. 196–298.

Так, в период организационного формирования ВНС (1907–1911 гг.) М. О. Меньшиков на страницах «Нового времени» отражал общепартийную позицию, которая выражалась в стремлении «к дружной совместной с ним (с правительством – П. С.) работе в пользу национального обновления государства»⁶¹, демонстрировал сугубо положительное отношение к институту правительства и лично к премьеру Столыпину⁶². В числе причин подобного положительного восприятия националистами правительства в данный период времени следует отметить следующие: во-первых, лояльное отношение к самодержцу, который и назначал правительство; во-вторых, готовность оказать всемерное содействие ему в борьбе с революционным натиском, и в-третьих, соответствие правительственной линии в тот период времени взглядам националистов. Немаловажным было то, что П. А. Столыпин сыграл весьма значительную роль в идейно-политической консолидации ВНС. Таким образом, в данный период времени, как справедливо утверждает Д. А. Коцюбинский, теоретики ВНС воспринимали правительство в качестве старшего партнера, а свою задачу видели в его всемерной поддержке⁶³. М. О. Меньшиковым подвергался критике не правительственный курс в целом, а непоследовательность в его проведении. В этом позиция публициста кардинально расходилась с мнением теоретиков крайне правых, которые критиковали общую направленность проводимых правительством реформ⁶⁴.

Однако уже с 1911 г. началось охлаждение М. О. Меньшикова к правительству, что было связано с ухудшающейся общественно-политической обстановкой в стране, а также с тем,

⁶¹ См.: Националисты в третьей Государственной Думе. СПб. : Тип. А. Суворина, 1912. С. 162.

⁶² См. например: Меньшиков М. О. Старые инстинкты // Новое время. 1907. 22 марта; *Его же*. Эволюция правительства // Новое время. 1909. 3 янв.; *Его же*. Крупные люди // Национальная империя. С. 330–440; *Его же*. Истинно культурное ведомство // М. О. Меньшиков. Из писем к ближним.

⁶³ См. например: Меньшиков М. О. Старые инстинкты // Новое время. 1907. 22 марта; *Его же*. Эволюция правительства // Новое время. 1909. 3 янв.; *Его же*. Крупные люди // М. О. Меньшиков. Национальная империя. С. 330–440; *Его же*. Истинно культурное ведомство // Из писем к ближним.

⁶⁴ См.: Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 39.

что новый премьер Коковцов не проявлял должного внимания к ВНС.

Идеолог ВНС в это время последовательно критиковал правительство прежде всего за потерю набранного курса реформ, растущую их пробуксовку, бездействие.

Фактически к 1915 г., одновременно с разочарованием в институте монархии, теоретик ВНС окончательно разуверился в имперском правительстве, свидетельством чему являлись работы, написанные им в мартовские дни 1917 г., о которых уже было сказано выше.

Таким образом, завершая разговор о позиции М. О. Меншикова по поводу института правительства, отметим, что мнение теоретика ВНС относительно его чрезвычайно важной роли во властной структуре не претерпело изменений. Однако итогом идейной эволюции публициста касательно данной проблематики стала мысль о невозможности сохранения его в прежнем виде и необходимости коренного реформирования данного общественно-политического института уже в новых условиях отсутствия монархии.

Своеобразная общественно-политическая ситуация, в которой находилась Российская империя в начале XX века, предполагала различные варианты дальнейшего ее развития. Это понимали представители всех общественно-политических сил, существовавших в тот момент времени, которые выдвигали собственную модель модернизации страны. В этом отношении теоретики ВНС не являлись исключением. Меншиков и Ковалевский исходили из центральных посылок о том, что дальнейшее поступательное развитие Российской империи должно было происходить на основе существующих после 17 октября 1905 г. общественно-политических реалий. Мыслители требовали более последовательного и радикального реформирования всех сфер общественной жизни с целью реализации концепции национального государства.

Заметим, что проект будущего идеального общественно-политического устройства Российской империи, предлагаемый теоретиками ВНС, отличался значительным своеобразием.

В этом отношении главными особенностями взглядов Ковалевского и Меншикова являлись, с одной стороны, стремление постепенно осуществить широкие преобразования всех сфер

общественной жизни в духе столыпинских реформ и привести Российскую империю в соответствие со стандартами западных европейских государств, а с другой – последовательная критика общественно-политического устройства западных демократий, что сближало позицию идеологов ВНС с мнением крайне правых черносотенных идеологов.

Так, М. О. Меньшиков в духе Л. Н. Тихомирова критиковал в многочисленных своих работах западную модель общественного устройства. При этом западная концепция демократии не принималась мыслителем по нескольким причинам. Во-первых, Меньшиков, оценивая общественно-политическое устройство прямых предшественников западных государств – античных городов-полисов, прямо заявлял о том, что демократия – есть власть черни, выдвигающей из собственной среды мнимых аристократов, неспособных осуществлять управленческие функции.

Другими словами, по мнению мыслителя, в демократической системе абсолютно любой гражданин посредством системы выборов мог, не обладая специальными профессиональными качествами и государственным мышлением, ценой всевозможных махинаций достигнуть того или иного важного положения в системе властной вертикали. Именно поэтому основными политическими приемами в демократическом обществе становились, по убеждению Меньшикова, теневые методы борьбы, такие как шантаж, донос, обман, подкуп, что способствовало в итоге не только напиранию казны, но и моральной деградации общества⁶⁵.

Таким образом, по мнению теоретика ВНС, именно основной принцип демократического общества, при котором фактически любой гражданин способен был занять ведущее положение в обществе, привел в итоге к краху самой общественно-политической системы государств – демократий древности.

Во-вторых, важнейшим пороком западной демократии, по мнению Меньшикова, являлось то, что благодаря чрезмерно развитому гражданскому независимому самосознанию, не опирающемуся на общественные традиции, утверждению принципа свободы индивида безотносительно к государственным интересам, жители ведущих западных стран стали ставить

⁶⁵ См.: Меньшиков М. О. Что такое демократия // Выше свободы; *Его же*. Исполнины // Национальная империя. С. 135–141.

собственные личные интересы выше общественных и национальных, чувствовать неудовлетворенность собственным положением, что непременно вело к социальным столкновениям, а значит к анархии, деградации и к революции⁶⁶.

Высказываясь подобным образом по отношению к западным демократиям, Меньшиков, с которым в общем и целом соглашался и Ковалевский, предлагал реализовать на практике весьма сложную и противоречивую модель общественного устройства, которую условно назовем «контролируемой» или «управляемой» демократией. Смысл этой концепции состоял в попытке разумно сочетать на практике атрибуты западных демократий, такие как широкие гражданские свободы, институты гражданского общества, народного представительства и существование сильной власти, опирающейся в своих действиях на прочные общественные традиции, принципы авторитаризма, этатизма и национализма⁶⁷.

В определении компетенции государственной власти Меньшиков и Ковалевский разделяли идеи либеральных консерваторов XIX века, прежде всего, Б. Н. Чичерина. В этой связи идеальная государственная власть должна была, по мнению Чичерина, Меньшикова и Ковалевского, выполнять следующие основные функции – обеспечивать общественную безопасность и порядок, реализовывать управленческие функции путем подчинения частных интересов общественному благу, консолидировать общество на основе приоритета духовного фактора, осуществлять деятельностное, волевое управление подчас жесткими мерами, но в рамках закона, наконец, обеспечивать поступательное развитие общества, проводя постепенные, последовательные, подготовленные реформы⁶⁸.

⁶⁶ Меньшиков М. О. Цивилизация в опасности // Национальная империя. С. 93–96.

⁶⁷ См.: Меньшиков М. О. Заповеди жизни // Новое время. 1907. 30 дек.

⁶⁸ О позиции Б. Н. Чичерина по данному вопросу см.: Искра Л. М. Б. Н. Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж : изд-во ВГУ, 1995. С. 68–73; О позиции Меньшикова см., например: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1914. 4 мая; *Его же*. Злая воля // Новое время. 1910. 12 авг.; *Его же*. Письма к ближним // Новое время. 1911. 6 нояб.; *Его же*. Смена властей // Новое время. 1912. 18 дек.; Смолин М. Апология русского империализма // Национальная империя. С. 14–15.

При этом, по образному выражению М. О. Меньшикова, власть должна была выступить в роли своеобразного завоевателя собственного народа, дисциплинировать его и привить ему необходимый импульс к развитию⁶⁹. В итоге подобным образом организованная власть могла бы придать развитию государства истинно национальный характер.

Меньшиков и Ковалевский отрицали идею разделения властей по западному образцу и выступали лишь за разделение ее компетенции. Другими словами, в обновленной Российской империи не могло быть совершенно независимых ветвей исполнительной, законодательной и судебной власти. Единые и равноправные по своей сути властные полномочия передавались трем институтам управления: самодержцу, который олицетворял единство и могущество русской нации, правительству как главному исполнителю воли нации и законодательной Государственной думе.

Относительно схемы функционирования обновленной государственной власти позиции Меньшикова и Ковалевского существенно различались.

М. О. Меньшиков не создал конкретных проектов в данной связи. Утверждения мыслителя по этим вопросам являлись весьма туманными и нередко противоречивыми. Так, с одной стороны, в 1907 г. Меньшиков последовательно заявлял о необходимости перенесения в Российскую империю модели германского государственного устройства, которое, по его мнению, в наибольшей степени соответствовало национальным особенностям русских и способствовало успешному решению задач, стоящих перед империей⁷⁰. С другой стороны, теоретик ВНС в духе поздних славянофилов предлагал модифицировать старую систему монархии Московской Руси, в которой, по его мнению, существовало весьма полезное саморазграничение: народу принадлежало право совета и контроля, а монарху – право суда и распоряжения⁷¹.

В дальнейшем в рассуждениях идеолога ВНС стало присутствовать еще меньше конкретики. В 1909 г., размышляя об

⁶⁹ См.: Меньшиков М. О. Когда народ воскреснет // Национальная империя. С. 267–272.

⁷⁰ См.: Меньшиков М. О. Уклон к республике // Новое время. 1907. 13 окт.

⁷¹ Там же.

идеальном механизме государственной власти, Меншиков ограничился пространными указаниями на необходимость совершенствования русского народного представительства, а одновременно с ним и гражданского общества наряду с возрождением нравственности и трудовой культуры⁷².

Впоследствии под влиянием краха русского самодержавия Меншиков вовсе отказался от поиска идеальной модели государственного устройства для Российской империи, заявив о необходимости восприятия схемы государственной власти, принятой в ведущих европейских странах. Так, в 1917 г. Меншиков, оценивая попытки крайне правых восстановить прежнюю общественно-политическую систему, отмечал: «Вместо того чтобы смешить весь мир учреждением сверхопеки (читай – самодержавия. – П. С.) не проще ли принять порядок вещей, установленный в странах с более древней и более опытной нежели у нас политической культурой?»⁷³.

Тем самым Меншиков, как представляется, признал свою неспособность решить важнейшую практическую задачу – предложить логичную схему функционирования государственной власти в Российской империи.

П. И. Ковалевский в отличие от своего более именитого коллеги в своем программном труде «Основы русского национализма» представил достаточно подробную схему идеального, с его точки зрения, механизма реализации государственной власти в рамках политической системы, установленной в Российской империи после 1905 г.

Главная посылка теоретика ВНС при этом сводилась к утверждению незыблемости представительного образа правления, при котором самодержец выступал в единстве с Государственной думой и Государственным советом при наблюдении законодательных учреждений за законностью деятельности правительства⁷⁴. Заметим при этом, что данный тезис Ковалевского полностью совпадал с официальной партийной позицией⁷⁵, которая сводилась, во-первых, к тому,

⁷² См.: Меншиков М. О. Гений счастья // Новое время. 1909. 13 июня; *Его же*. Завещание отца Иоанна // Выше свободы.

⁷³ Меншиков М. О. Чего требуют правые // Новое время. 1917. 4 февр.

⁷⁴ См.: Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 48

⁷⁵ См.: Националисты в третьей Государственной Думе. С. 151.

что главой государства должен был являться самодержец, повелевающий им при содействии назначенных министров и избранников народа, во-вторых, к обязанности министров отвечать на запросы членов Государственной Думы по вопросам текущей политики, в-третьих, проповедовался принцип «национализации» органов управления, при котором во главе их должны были находиться убежденные русские националисты, проповедовавшие последовательность и преемственность в проведении политики.

Ключевым элементом проекта государственного устройства, по мнению Ковалевского и Меньшикова, выступал институт земского самоуправления.

Мыслители выражали полную солидарность с другими партийными идеологами по поводу важности его введения. В этой связи Меньшиков, во-первых, утверждал, что именно самоуправление на местах способствует лучшему функционированию всей властной структуры империи, поскольку при этом правильно перераспределяются управленческие полномочия между центральными и местными органами власти.

С точки зрения публициста «Нового времени», подобная схема организации управления продолжала национальную традицию и была издревле знакома русским⁷⁶.

Во-вторых, по мнению мыслителя, именно на основе опыта земского самоуправления формировалась гражданская самостоятельность, русским прививалось практическое мышление, трудовой и хозяйские инстинкты, что было действительно необходимо для поступательного развития нации⁷⁷. Однако М. О. Меньшиков считал, что подобные позитивные функции могло выполнять лишь правильно организованное земство. Другими словами, теоретик ВНС требовал его реформирования. Основная идея необходимых изменений в данном направлении, декларируемая публицистом «Нового времени», в значительной степени совпадала с логикой рассуждений крайне правых, например, В. А. Грингмута, требующего существенного ограничения функций

⁷⁶ Подробнее об этом см. : Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 63–65.

⁷⁷ См.: Меньшиков М. О. Независимость и деловитость // Новое время. 1914. 4 янв.; *Его же*. Земско-дворянский кризис // Новое время. 1913. 17 авг.

земства, наделения его исключительно административно-хозяйственными полномочиями⁷⁸.

Главным требованием Меньшикова являлось исключение земств из сферы политики, в связи с чем должны были произойти, во-первых, установление жесткого контроля над ними со стороны губернаторов с целью исключения превращения земств в рассадник либеральной оппозиционности, во-вторых, четкое разграничение функциональных обязанностей близких по характеру земских органов власти с целью препятствования образованию бездеятельностной земской бюрократии.

Таким образом, в идеале, по мнению Меньшикова, земству необходимо было передать преимущественно чисто хозяйственные полномочия, исключить из его влияния школы и вводить преимущественно в спокойных регионах империи⁷⁹.

Однако во взглядах Меньшикова на проблему земского самоуправления существовало одно весьма значимое отличие от позиции идеологов крайне правых. Теоретик ВНС считал, что именно в земствах должна была формироваться истинная национальная гражданственность, в связи с чем ратовал за их бессловесную структуру, исключение приоритета дворянского элемента как отжившего.

Особую роль в проектах общественно-политического устройства империи теоретики ВНС отводили институтам армии и церкви. Важнейшая роль армии определялась мыслителями в соответствии с их теорией развития нации, в рамках которой, как уже было указано, утверждался приоритет войны в качестве основного показателя степени ее жизнеспособности в контексте борьбы за национальное бытие. При этом в своих размышлениях по поводу роли института армии теоретики ВНС опирались на широкую консервативную традицию общественной мысли XIX века, для представителей которой являлось характерным восторженно-романтическое отношение к данному институту, его прямая идеализация⁸⁰.

⁷⁸ Подробнее см.: *Грингмут В. А.* Указ. соч.

⁷⁹ См.: *Меньшиков М. О.* Колыбель оппозиции // *Новое время.* 1911. 24, 26, 29 марта.

⁸⁰ См. подробнее: *Репников А. В.* Русская армия глазами консерваторов. [Электронный ресурс] // *Консерватизм в мире: прошлое и настоящее:* [сайт]. [2007]. URL : <http://conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov.html> (дата обращения: 09.10.2007).

В связи с этим вопросы, касающиеся положения русской армии, занимали особое место в работах М. О. Меньшикова. Для него данный институт представлял собой, прежде всего, главную опору, фундамент нации: он охранял ее от посягательств врагов и обеспечивал поступательное развитие⁸¹. В этой связи теоретик ВНС отмечал: «Быть России или не быть – это главным образом зависит от ее армии. Укреплять армию следует с героической поспешностью... армия – крепость нации, единственная твердыня, которою держится наша государственность»⁸².

Теоретики ВНС последовательно критиковали современное ее состояние и считали необходимым проводить последовательное реформирование армии. При этом мыслители выделяли как минимум три направления необходимых реформационных изменений – реформы комплектации армии, ее технического и материального перевооружения, создание особого духовного кодекса чести и нравственности для солдата.

Относительно реформ первого направления наиболее последовательно высказывался М. О. Меньшиков. В 1909 г. теоретик ВНС разработал целый комплекс нововведений.

Прежде всего, мыслитель резко выступил против всеобщей воинской повинности, называя ее глубоким извращением естественных общественных понятий, поскольку при ее использовании важнейшая функция защиты государственности доверялась непрофессионалам и по принуждению, вследствие чего в армии вместо утверждения героических нравственных начал развивались штатство, бюрократизм и обывательство. Комплекс реформ армии, направленных на изменение такого ненормального положения, предложенный Меньшиковым, отличался продуманностью и последовательностью и включал в себя пять главных мероприятий.

Во-первых, предполагалось установление особых морально-политических и национальных цензов при комплектации армии, которые препятствовали бы проникновению в ее состав личностей, заряженных антисоциальной энергией и

⁸¹ См.: Меньшиков М. О. Близятся сроки // Письма к близким. 1916. С. 15–20; *Его же*. Первая забота // Выше свободы.

⁸² Меньшиков М. О. Молодежь и армия // Новое время. 1909. 13 окт.

мировоззрением. В этой связи для «инородцев» мыслитель предполагал ввести военный налог, заменяющий для них воинскую повинность.

Во-вторых, предусматривались также понижение призывного возраста до 18 лет и организация системы начального военного образования в школах для подготовки юношей к военной службе.

В-третьих, предполагалось введение системы военных сборов, необходимых для постоянного поддержания у граждан, находящихся в запасе, комплекса военных знаний и высокого боевого духа.

В-четвертых, признавалось необходимым проведение постоянной практической и профессиональной ориентации в течение всего срока военной службы и определялась невозможность занимать время солдата какими-бы то ни было занятиями, прямо не относящимися к ее несению. Подразумевалось поднятие престижа военной службы путем назначения на высшие должности действительно отличившихся и повышения воинского жалования.

В-пятых, предполагалось возвращение в результате отмены всеобщей воинской повинности к старой системе комплектации армии при уменьшении количества и значительном повышении профессионального качества войск⁸³.

В дальнейшем теоретик ВНС развивал эти основные положения и выступал с требованиями устранить возможность допуска в армию ненадежных элементов из студенческой и преступной среды; а также коренным образом изменить систему военного образования с целью повышения качества обучения⁸⁴.

Заметим, что многие из предложений Меншикова являлись весьма актуальными и правомерными, поскольку получили в

⁸³ См. например: *Меншиков М. О. Ядро армии* // Национальная империя. С. 71–74; *Его же. Молодежь и армия* // Новое время. 1909. 13 окт.; *Его же. Остановите бегство* // Письма к русской нации. С. 57–64; *Его же. Таланты и бездарности* // Новое время. 1911. 13 авг.; *Его же. Дружина храбрых* // Выше свободы.

⁸⁴ См.: *Меншиков М. О. Необходимо ли заражать армию?* // Национальная империя. С. 325–329; *Его же. Концы с концами* // Новое время. 1909. 12 сент.; *Его же. Чиновники и герои* // Новое время. 1912. 3 июля, 5 июля; *Его же. Пересмотр армии* // Новое время. 1911. 3 февр.

дальнейшем свое практическое воплощение. Однако основная посылка теоретика ВНС о необходимости уничтожения системы всеобщей воинской повинности и возвращения к старой системе фактически рекрутского набора, как представляется, в новых условиях начала XX века была неприменима да и неприемлема.

Желание теоретика ВНС видеть русскую армию сильной и могущественной выразилось и в том, что во многих статьях Меньшиков требовал произвести ее техническое перевооружение за счет увеличения средств бюджета.

Заметим, что подобные мысли теоретика были внесены и в официальные партийные документы ВНС, которые однозначно требовали увеличения военной мощи Российской империи⁸⁵.

П. И. Ковалевский также в своих работах часто обращался к проблемам современного ему положения армии и останавливал свое внимание, прежде всего, на аспектах морально-нравственного воспитания солдата. В специальной работе теоретик ВНС разработал «кодекс рыцарской чести» защитника Родины.

По мнению мыслителя, русский воин должен был обладать целым комплексом личностных черт, среди которых особо выделялись такие, как приверженность идеалам самодержавия, православное мироощущение, готовность к самопожертвованию, чувство любви и преданности Родине, дисциплинированность, смиренность, правдивость, самообладание, храбрость, великодушие, стремление к самоусовершенствованию⁸⁶.

Таким образом, институт сильной, высокопрофессиональной армии, по убеждениям теоретиков ВНС, должен был стать важнейшим элементом русской государственности и служить не только первостепенным условием реализации власти, но и обеспечивать державное могущество империи.

Не менее важное место в структуре русской государственности Ковалевский и Меньшиков отводили институту Русской православной церкви. В данном отношении главной посылкой всех без исключения националистов являлось утверждение о «христианском» характере российского государства, вследствие чего требовалось сохранить установленные преимущества церкви.

⁸⁵ См. например: Берегите войско // Вестник ВНС. 1912. № 7.

⁸⁶ См.: Ковалевский П. И. Символ веры наших потешных.

Теоретики ВНС обосновывали тезис о том, что православие обеспечивало духовно-идеологическую целостность государства, одновременно являясь религией державной и национальной. Именно поэтому за русской православной церковью закреплялась монополия на публичную проповедь и миссионерство⁸⁷.

Наблюдая упадок института Русской православной церкви в начале XX века в связи с усилением административного вмешательства во внутрицерковную жизнь и бюрократизацией, теоретики ВНС предлагали целый комплекс мер по ее возрождению.

В связи с тем, что данная проблема подробно рассмотрена в работе Д. А. Коцюбинского, остановим свое внимание лишь на главных аспектах данного вопроса.

Так, среди основных направлений реформирования церковной жизни Ковалевский и Меньшиков предлагали следующие: материальная поддержка церкви и сельского прихода в частности, уничтожение правительственного бюрократического контроля и восстановление самостоятельности положения церкви, воссоздание института патриаршества⁸⁸.

Другими словами, предлагалось фактически восстановить баланс соотношения государства и церкви, имеющий место во времена Московской Руси, когда они существовали в качестве независимых самостоятельных институтов⁸⁹, качественно изменить систему церковного образования с целью восстановления престижа церковных служителей⁹⁰.

Таким образом, понимание церкви в качестве важнейшего общественно-политического института, на котором базировалась русская государственность, являлось одним из главных элементов националистической идеологии. Примечательно, что предлагаемый националистами проект церковных реформ, в общем и целом, совпадал с позицией крайне правых по данным вопросам.

⁸⁷ Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 399.

⁸⁸ См.: Ковалевский П. И. Задачи русского национализма // Подольнин. 1912. 20 марта; *Его же*. Основы русского национализма. С. 49.

⁸⁹ Меньшиков М. О. Вера без дел // Новое время. 1907. 28 января.; *Его же*. Дело веры // Новое время. 1907. 25 ноября.

⁹⁰ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1910. 22 авг.; *Его же*. Расстройство церкви // Новое время. 1908. 9 февр.

В контексте разработки концепции идеального общественно-политического устройства Российской империи Ковалевский и Меньшиков обращались к проблемам определения внешнеполитических приоритетов России. При этом мыслители полностью соглашались с мыслями П. Б. Струве о том, что реализация концепции сильного национального государства напрямую зависела от успешного решения внешнеполитических задач, правильного определения места и роли империи в геополитике, ее стратегических приоритетов.

Проблемы, связанные с внешней политикой Российской империи, теоретиками ВНС детально не разрабатывались, а данный аспект не имел самостоятельного значения в структуре их воззрений, приобретал скорее ситуационный контекст и рассматривался в тесной связи с другой проблематикой.

По этой причине Меньшиковым и Ковалевским не было разработано какой-либо масштабной внешнеполитической концепции.

Однако отметим тот факт, что теоретики ВНС, высказываясь по внешнеполитической проблематике, в целом продолжали традиции крайне правой общественно политической мысли. В этой связи Ковалевский и Меньшиков, разделяли концепцию геополитики, сформулированную Л. А. Тихомировым.

Суть ее сводилась к пониманию государства как своеобразного организма, воплощенного в пространстве. При этом главным направлением внешней политики становились территориальные отношения с другими странами с целью достижения естественных границ и выхода к морям⁹¹.

Таким образом, Ковалевский и Меньшиков исходили из основной теоретической посылки о том, что конкретная направленность внешней политики Российской империи должна была разрабатываться с учетом специфики геополитического положения страны, а в основу конкретной ее стратегии должен был быть положен принцип национального прагматизма.

М. О. Меньшиков, анализируя в этой связи особенности положения Российской империи, делал акцент на его проти-

⁹¹ Подробнее см.: *Омельянчук И. В.* Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в российской империи [Электронный ресурс] // Русская линия: [сайт]. [2007]. URL : <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102666> (дата обращения: 09.10.2007).

воречивом характере. Так, с одной стороны, ее срединное положение являлось, с точки зрения публициста, в значительной степени выгодным, поскольку давало уникальную возможность русскому государству концентрировать бесценный опыт, накопленный как Западной, так и Восточной цивилизациями, предоставляло свободу в выборе внешнеполитических союзников⁹².

Однако, с другой стороны, геополитическое положение страны заключало в себе также угрозу ее благополучию, нежели пользу. Данный факт объяснялся Меншиковым преимущественно масштабами исторической территории русского государства, объективно привлекавшими соседние государства, а также угрозой ведения войны на два фронта, что неумолимо заставляло русское правительство всегда быть настороже, уделять первостепенное значение организации мощной армии, тщательно продумывать каждый внешнеполитический шаг. В данной связи Меншиков отмечал: «Не отталкивая дружески протянутой руки, следует внимательно следить за ее жестами. Россия на всех фронтах своих должна быть готовой к неожиданному нападению. Если мирное соглашение позволяет где-нибудь не ждать немедленной войны, то обязывает смотреть на это как на ее отсрочку. Горе неготовым!»⁹³.

Представляется, что подобные наблюдения теоретика ВНС относительно угроз, которые предопределяло само геополитическое положение российского государства, в целом являлись справедливыми, что неоднократно доказывала и история.

К тому же теоретики ВНС стремились строить свои внешнеполитические доктрины на основе принципа национального прагматизма. Данный критерий интерпретировался теоретиками ВНС в отношении определения стратегии внешней политики как обязательство проводить ее в соответствии с интересами державной нации. При этом необходимыми условиями проводимой политики должны были стать: реализм, независимость и

⁹² См.: Меншиков М. О. На великой страже // Выше свободы.

⁹³ Меншиков М. О. На восточном горизонте // Новое время. 1912. 21 июля.

продуманность⁹⁴. В этом отношении идеалом для русских националистов выступала внешнеполитическая линия, избранная Александром III.

Кроме того, внешняя политика Российской империи, по мысли теоретиков, должна была быть ситуационно ориентирована, другими словами, в зависимости от изменчивой внешнеполитической конъюнктуры правительство должно было либо всеми силами охранять достигнутый международный *status quo*, либо, пользуясь благоприятным моментом, проводить преимущественно мирную территориальную экспансию, улучшая тем самым условия жизни русской нации путем завоевания для нее большего «жизненного пространства»⁹⁵.

Подобные мысли получили последовательное развитие и в трудах других теоретиков ВНС, в частности П. Н. Балашева, который, акцентируя внимание на исторических заслугах и величии Российской империи, требовал проведения активной, конкретной, прагматичной, независимой внешней политики при полной боевой готовности армии⁹⁶.

Фактически теоретики ВНС требовали реализовать на практике принцип «внешнеполитической автаркии».

Рассматривая проблемы практической реализации данной концепции на примере вопросов о взаимоотношениях со странами западной Европы, Ковалевский высказывался прямо и безапелляционно: Россия не должна вступать в тесные контакты ни с одной из европейских держав. При этом мыслитель не отрицал возможности доброжелательных отношений со странами Европы, но только в «прагматических» целях, под которыми имел в виду прежде всего экономическое сотрудничество.

⁹⁴ См.: *Меньшиков М. О.* Из писем к ближним // *Новое время*. 1903. 7 сент. *Его же*. В своих рассуждениях о национализме я выражаю лишь свое личное мнение // *Новое время*. 1908. 30 окт.; *Его же*. У себя дома // *Новое время*. 1912. 21 окт.; *Его же*. Хозяева Туркестана // *Новое время*. 1908. 22 нояб.; *Его же*. У всех неблагополучно // *Новое время*. 1908. 15 нояб.

⁹⁵ См.: *Меньшиков М. О.* Задачи будущего // *Письма к русской нации*. С. 366–373; *Его же*. Война или аукцион // *Новое время*. 1908. 27 авг.; *Его же*. Связанные враги // *Новое время*. 1911. 6 окт.; *Его же*. С кем воевать? // *Новое время*. 1912. 12 апр.; *Его же*. Великолепная теория господина Сазонова // *Новое время*. 1912. 17 апр.

⁹⁶ См.: *Балашев П. Н.* О политике России в последние века и предстоящих ей задачах. С. 91.

«Россия была, есть и будет одна, сама в себе. Россия должна быть сама для себя»⁹⁷, – заключал в итоге собственных рассуждений П. И. Ковалевский.

Сходной точки зрения придерживался в данной связи и М. О. Меншиков. Так, критически рассматривая в своих работах внешнюю политику Российской империи на протяжении XIX века, мыслитель пришел к выводу о том, что идеальной целью внешней политики России должно было являться создание «закрытого» однородного в этнографическом плане государства, что позволило бы не только решить проблемы экономического развития страны, но и в известной степени «догнать» Запад, освободившись при этом от дурного влияния его идей.

При этом основой такого «прорыва» стал бы тот богатый западный опыт, который уже в значительной степени накоплен ценой огромных жертв за ненужные России интересы.

Однако конкретный анализ существующих внешнеполитических реалий первой четверти XX века и перспективы начала общемировой войны заставляли теоретиков ВНС в известной степени отказаться от концепции «внешнеполитической самодостаточности» и рассматривать различные варианты выбора союзников. В данном отношении теоретики ВНС проделали синхронную с правительством эволюцию в своих предпочтениях.

Так, в 1908 г. Меншиков, как и представители крайне правых, заявлял о необходимости достижения союзнических отношений с Германией и Турцией по причине их непосредственной близости к сухопутным границам империи и отсутствием с этими державами существенных противоречий. Естественно, существенную роль в данной связи играл факт династийного родства русской и немецкой империй⁹⁸.

В дальнейшем под влиянием таких событий, как Боснийский кризис и Балканские войны, теоретик ВНС изменил свою точку зрения и, видя неизбежность начала мировой войны, высказывался за союз с Антантой, в частности с Великобританией.

При этом Меншиков, демонстрируя свойственный ему высокий уровень политической проницательности, ставил в ка-

⁹⁷ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт. С. 118–119.

⁹⁸ См.: Меншиков М. О. Кадетская политика // Новое время. 1908. 26 февр.

честве одного из главнейших условий возможного союза с Антантой четкое закрепление взаимных гарантий и приведение армий этих стран в состояние полной боевой готовности при возможном нападении Германии на Россию⁹⁹.

Заметим, что о подобной необходимости подготовки к мировой войне заявляли и другие теоретики ВНС, например, полковник В. Г. Александров¹⁰⁰.

Особым вопросом в контексте внешнеполитических воззрений теоретиков ВНС становилась проблема взаимоотношения с родственными славянскими народами Южной и Западной Европы, которые вели в первой четверти XX века ожесточенную борьбу за национальную независимость. Следует заметить, что в данных вопросах в позициях П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова наблюдались существенные расхождения, которые были связаны с их отношением к славянофильской традиции понимания данных проблем, а точнее, к панславизму.

Позиция М. О. Меньшикова в этой связи представлялась наиболее четкой и последовательной, не претерпела с течением времени значительных изменений.

Воспринимая панславизм в качестве романтической мечты славянофилов, теоретик ВНС делал акцент на его практической неосуществимости в силу законов развития национализма, в результате действия которых происходило, по его мнению, не соединение, а отталкивание славянских наций¹⁰¹. Кроме того, Меньшиков резко отрицательно оценивал саму необходимость помощи славянам в организации собственной борьбы за независимость, ориентируясь при этом на красноречивые исторические примеры взаимной «платы» славян за оказываемое им содействие¹⁰². Таким образом, позиция Меньшикова по отношению к междуславянскому взаимодействию в общемировом масштабе сводилась к следующему утверждению: «Я никогда панславистом не был, никогда не проповедовал слияния с Россией остального славянства и признаюсь, в глубине души

⁹⁹ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1912. 29 июня; *Его же*. Письма к ближним // Новое время. 1912. 15 дек.

¹⁰⁰ См.: Известия ВНК. 1911. № 2. С. 124.

¹⁰¹ См.: Меньшиков М. О. Задачи будущего // Письма к русской нации. С. 417–423.

¹⁰² См.: Меньшиков М. О. Кто кому должен // Новое время. 1913. 3 авг.

никогда не верил в это, не желал этого»¹⁰³. При этом теоретик ВНС настаивал на желательности создания со славянскими народами взаимовыгодных союзнических отношений, основанных на принципах равенства и взаимного уважения¹⁰⁴.

Позиция П.И. Ковалевского по данным вопросам была сложнее, противоречивей и подверглась некоторой эволюции. Так, еще в 1912 г. Ковалевский в данных вопросах в целом разделял точку зрения Меньшикова, не принимая в расчет взгляды панславистов.

Воспроизводя логическую схему рассуждений своего коллеги по партии, Ковалевский, активно ссылаясь на историю взаимоотношений России и славянских народностей, утверждал, что Российская империя ценой множества потерь активно помогала братьям по крови на протяжении всего XIX века. Однако славяне не осознавали этот священный долг, продолжая совершать в ответ порой дерзкие выходки в адрес России. Данный исторический опыт Россия должна была хорошо уяснить.

Идеальной моделью отношений России и славян, по Ковалевскому, являлось их взаимодействие в качестве старших и младших партнеров, при котором Россия, намеренно не предпринимая попыток организовать славянский союз, теоретически могла войти в него только на правах старшего, стать в его главе, превратив русское дело в общеславянское. Итог своих рассуждений в этой связи теоретик выразил следующим образом: «Если Россия будет для славян, но и славяне для России. Смотреть же на Россию, как на дойную корову – время прошло!»¹⁰⁵.

Однако Балканские войны и приближение Первой мировой войны произвели на Ковалевского огромное впечатление, активизировав «славянофильские» нотки в его высказываниях. Так, в работах этого периода теоретик ВНС, соглашаясь с мнением поздних славянофилов, указывал на возможность посредством победы в мировой войне способствовать созданию единой славянской нации, общеславянской федерации под рус-

¹⁰³ Меньшиков М. О. Разноголосица // Письма к ближним. 1916. С. 530.

¹⁰⁴ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1912. 1 дек.

¹⁰⁵ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 41–42.

ским началом, призывая Россию активно вмешаться в ситуацию на полуострове¹⁰⁶.

Уверенность мыслителя в возможности подобного исхода событий не поколебала даже и вторая Балканская война. Так, в 1915 г. Ковалевский подчеркивал: «Объединение славян есть роковое исполнение естественного исторического закона национального бытия. В его исполнении проявляются какие-то силы нам непонятные и нами непостижимые»¹⁰⁷.

Заметим в этой связи, что подобные панславистские тенденции в этот период времени были характерны и для высказываний других теоретиков ВНС. Так, лидер партии П. Н. Балашев в 1913 г. подчеркивал настоятельную необходимость военного вступления России в Балканские войны, завоеваний проливов, утверждения в Константинополе с целью в конечном итоге «вместе со своими младшими братьями сделаться участницей в самом обладании балканской землей»¹⁰⁸, а ведущий партийный функционер П. Кулаковский участвовал в многочисленных славянских съездах, полностью поддерживал панславистское движение¹⁰⁹.

Завершая анализ внешнеполитических воззрений Меншикова и Ковалевского, отметим следующее. Теоретики ВНС не разработали целостной концепции внешней политики. Единственным критерием в данном отношении выступал подверженный ситуационной конъюнктуре принцип национального прагматизма «блага» нации, требовавший проведения активной, самостоятельной, действенной политики, что придавало внешнеполитическим построениям националистов чрезвычайную гибкость. Представляется, что в этом заключается главное достоинство их взглядов. Однако концепция идеологов ВНС была весьма теоретичной, оторванной от реальности, ведь практическое воплощение идеи «внешнеполитической автаркии» в геополитических реалиях начала XX века было весьма

¹⁰⁶ См.: Ковалевский П. И. Значение национализма в современном движении балканских славян. Ростов н/Д : Тип. Полубатко, 1912. С. 31–32.

¹⁰⁷ Ковалевский П. И. Немцы – психологический очерк // Наши враги. Очерки. Библиотека «Голоса России». Пг. Вып. I. 1915. С. 4.

¹⁰⁸ Балашев П. Н. Заветная мечта каждого русского. СПб. : Изд-во С-Петербур. отд. нац. Союза, 1913. С. 4.

¹⁰⁹ См.: Известия ВНК. 1911. № 1. С. 50–52.

затруднено. Россия для успешного движения по пути реформ при учете объективного роста противоречий между ведущими державами объективно нуждалась в союзниках, в связи с чем предлагаемая националистами ее международная самодостаточность и независимость была равносильна гибели.

Кроме того, во взглядах теоретиков ВНС по данным вопросам просматривались и откровенные элементы «умозрительного романтизма», противоречивости по отношению к другим частям их идейной доктрины, что наиболее четко проявилось в представлениях Ковалевского относительно отношений со славянскими народами. Естественно, данный факт являлся признаком слабости внешнеполитической концепции теоретиков ВНС.

Итак, проанализировав проект общественно-политического устройства Российской империи, предлагаемый Меньшиковым и Ковалевским, стоит, на наш взгляд, констатировать тот факт, что их воззрения существенно повлияли на официальную позицию ВНС в данных вопросах.

При этом главной отличительной чертой отношения теоретиков ВНС к данным проблемам являлось органическое неприятие системы самодержавной власти, существующей до 1905 г., в связи с чем они предлагали концепцию ее реформирования.

В общих чертах данный проект следует охарактеризовать следующим образом: крепкая авторитарная власть при конструктивном народном представительстве и деятельном правительстве, охраняющая широкие гражданские свободы, защищающая традиционные ценности, обеспечивающая нравственное оздоровление общества. При этом такого рода организованная власть должна была опираться на институты самоуправления, обеспечивающие ее максимально эффективную реализацию, сильную армию в качестве залога ее крепости и независимости, самостоятельную церковь, духовно скрепляющую русское национальное единство.

Важнейшим принципом данной концепции являлось принятие лозунга «кадры решают все», в соответствии с которым оба мыслителя уделяли повышенное внимание качественному составу общественно-политических институтов. Именно при таком государственном устройстве, по мнению теоретиков

ВНС, обеспечивалось бы поступательное развитие Российской империи и нации.

Таким образом, М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский стремились создать принципиально новую, в значительной степени своеобразную концепцию общественно-политического развития Российской империи, пытаясь найти возможность для обеспечения существования традиционных ценностей русской цивилизации в новых условиях утверждения капитализма. Иначе говоря, теоретики ВНС стремились сформулировать адекватный ответ цивилизационного развития русской имперской государственности на вызовы времени. При этом вслед за премьером Столыпиным, Ковалевский и Меньшиков рассматривали в качестве главного элемента необходимой стратегии ее эволюционирования метод постепенного прогрессивного развития, осуществляемого с помощью умеренных реформ на основе использования позитивного опыта западных стран.

Однако, как представляется, теоретикам ВНС не удалось реализовать свою концепцию вследствие, как минимум, трех обстоятельств.

Во-первых, длительная стратегия реформ была изначально обречена на провал в условиях быстро прогрессирующего кризиса самодержавия, ускоренного мировой войной. Думается, что это понимал и сам Меньшиков, который, как уже было показано, после уничтожения русской монархии предлагал некритически перенять опыт государственного строительства ведущих стран западной Европы, усматривая лишь в таком варианте развития событий единственный шанс для спасения русской государственности. Единственным выходом в новых условиях, на наш взгляд, являлась только радикальная попытка «санации» государственного имперского механизма, осуществляемая путем отказа от ряда традиционных общественно-политических институтов.

Во-вторых, формулированию последовательной, а главное, практически осуществимой концепции имперского развития мешали, на наш взгляд, и предельная теоретизированность, идеализм взглядов Ковалевского и Меньшикова. Оба мыслителя были склонны создавать своеобразные мифы об идеально организованных Государственной Думе, правительстве, фор-

Глава III. Взгляды П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова по проблемам...
мах политической деятельности, которые мало учитывали реальные условия.

В-третьих, немаловажное значение имел и тот факт, что в качестве базового элемента политического реформирования Ковалевский и Меньшиков обозначали принцип национального прагматизма, что на практике означало сочетание как либеральных, так и консервативных, антилиберальных мировоззренческих элементов. С перечисленными факторами была связана очевидная трудность при формулировании четкой и последовательной концепции отношения русских националистов к важнейшим вопросам действительности даже в теории, не говоря о возможности ее практического воплощения.

Тем не менее, отметим, что идеи теоретиков ВНС относительно организации государственности существенно повлияли на традицию русской общественной мысли и впоследствии творчески перерабатывались представителями националистического направления, такими как, например, Н. Устрялов, И. Ильин, И. Солоневич¹¹⁰. В наибольшей степени принципы авторитарности, единоначалия, дисциплины, гражданственности, содержащиеся в проектах теоретиков ВНС, развивают уже современные националисты, например, Е. Холмогоров¹¹¹.

¹¹⁰ См.: *Ильин И.* Россия есть живой организм [Электронный ресурс] // Русское небо : [сайт]. [2007]. URL : <http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/ilin/nz/nz-92-93.htm> (дата обращения: 09.10. 2007); *Солоневич И.* Народная монархия. Буйэнос-Айрес: Наша страна, 1973. [Электронный ресурс]. URL : <http://rusmonarh.narod.ru/monarhia/01.htm> (дата обращения: 09.10.2007); *Устрялов Н.* К вопросу о русском империализме // Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России». 1916. 15 окт. С. 1–5.

¹¹¹ См.: *Холмогоров Е.* Русский националист. М. : Европа, 2006. С. 290–315.